

Майкл Терри

ЛОНВИЛЬ

16+

Майкл Терри

Лонвилль

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Терри М.

Лонвилль / М. Терри — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-532-92986-9

Спустя двадцать лет с момента своего последнего визита, Мила Дункан снова приезжает в Лонвилль, чтобы проведать дядюшку, однако нигде не может найти его. Дом, в котором тот жил когда-то, кажется давно покинутым, а горожане, включая инспектора полиции, ведут себя довольно агрессивно, убеждают ее в том, что с дядюшкой все в полном порядке и требуют, чтобы она немедленно уехала из города. Несмотря ни на что, Мила остается и приступает к поискам.

ISBN 978-5-532-92986-9

© Терри М., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Пролог	5
1	7
2	12
3	14
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Майкл Терри Лонвилль

Пролог

Десятилетняя Мила подняла свою белокурую головку к безоблачному летнему небу и, сильно прищурившись, попыталась рассмотреть ярко светившее солнце, но лишь еще сильнее зажмурила глаза. Солнечный свет обладает удивительной способностью затемнять зрение. Мила опустила голову и начала тереть глаза обеими руками, чтобы, как можно скорее, избавиться от вспыхивающих перед ней черно-красных пятен.

– Вообще-то, – внезапно раздался откуда-то сверху мягкий и слегка грустный голос дядюшки Томаса – старшего брата ее мамы, – на солнце нельзя смотреть незащищенными глазами, чтобы не лишиться зрения.

– Что значит – незащищенными? – спросила Мила, часто моргая и все еще не в состоянии увидеть дядюшку.

– Это значит, – все тем же спокойным тоном объяснил тот, – что нужно, как минимум, надеть очки с темными стеклами. У тебя еще вся жизнь впереди, ты ведь не хочешь смотреть на нее сквозь вечную черную пелену перед твоими прекрасными голубыми глазами и ничего не видеть?

– Совсем ничего?

– Совсем-совсем. Ни красоты окружающего мира, ни звездного неба над головой, ни прелести первых весенних цветов. Только черная, глубокая бездна перед глазами и больше ничего. Подумай, нужно ли тебе это, детка.

Мила, проморгавшись, наконец, и восстановив зрение, задумчиво посмотрела в добрые карие глаза дядюшки. Он стоял перед ней в своем любимом коричневом костюме и такой же темной шляпе с полями, а на его лице читалась едва заметная грустная улыбка. Интересно, подумала Мила, почему мама считает дядюшку Томаса странным, ведь он такой милый. И добрый. И он всегда очень хорошо относится к ней. Вот и сейчас он, дождавшись, когда зрение полностью вернется к Миле, выудил из кармана леденец на палочке и протянул ей. Она с радостью приняла подарок и поблагодарила дядюшку, но он в ответ лишь неловко кивнул, словно не знал, что ответить на слова ее благодарности, а потом развернулся и пошел к дому.

– Дядюшка, – окликнула Мила его, облизнув леденец. – Почему ты живешь один?

Он остановился и повернулся к племяннице, посмотрев на нее так, словно этот вопрос застал его врасплох, а потом в задумчивости почесал подбородок.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я просто удивляюсь, почему ты живешь один, – Мила пожала плечами и приложила руку козырьком ко лбу, защищая глаза от солнца и получше рассматривая дядюшку. – Разве тебе не одиноко?

– Я... – он внимательно посмотрел на Милу и запнулся, раздумывая над ответом. Через мгновение он кашлянул, посмотрел по сторонам и сказал негромко, как будто боялся, что кто-то может услышать его. – У меня ведь есть ты. И твоя мама.

– Но ведь мы приезжаем всего раз в году. Скоро мы вернемся в Нью-Йорк, и ты снова останешься один на целый год. Мне так жаль тебя...

– Я в полном порядке, – дядюшка грустно улыбнулся и подмигнул ей. – Не переживай об этом, детка.

– Урод! – послышался вдруг с улицы крик.

– Шизоид! – раздался еще один возглас, а потом дружный смех.

Повернув головы в сторону криков, они увидели двоих проезжавших по тротуару на велосипедах подростков. Показав дядюшке неприличный жест правой рукой, мальчишки рассмеялись еще громче и умчались дальше. Мила с изумлением посмотрела им вслед, а потом перевела взволнованный взгляд на дядюшку:

– Почему они позволяют себе делать такие ужасные вещи?

Дядюшка, который до этого момента тоже с грустью смотрел вслед удаляющимся мальчишкам, тоже перевел взгляд на Милу и пожал плечами, а в его глазах мелькнул гнев:

– Иногда люди ведут себя именно так.

– Но почему же?

– Ты знаешь... Люди недалеко ушли от животных.

– Что ты имеешь в виду?

– Я говорю о том, – дядюшка снова посмотрел в ту сторону, куда уехали мальчишки, – что люди ходят в церковь, притворяются хорошими, осуждают преступников и убийц, но сами никогда не упустят возможность сделать плохо тому, кто не в состоянии дать сдачи.

– Разве ты не можешь дать им сдачи?

– Дав им сдачи, я все равно ничему не научу их...

Мила опять ничего не поняла и открыла рот, чтобы снова спросить дядюшку, что он имеет в виду, но тот догадался об этом и произнес:

– Ты поймешь, что я имею в виду, когда станешь взрослой.

– Мне так жаль тебя, дядюшка... – Мила подошла к нему и прижалась к его ноге всем телом.

– Не переживай об этом, детка, – грустно ответил дядюшка и погладил ее по голове своей сухой и теплой рукой, а потом спросил. – Тебе понравился леденец?

– Не в леденце дело, дядюшка, – чуть не плача ответила Мила и еще сильнее прижалась к нему. – Я очень хочу, чтобы ты был счастлив...

1

(двадцать шесть лет спустя)

Заглушив двигатель, Мила откинулась назад, закрыла глаза и прислушалась к тишине. Мотор, который гудел всю ночь напролет, эхом еще отдавался где-то в глубинах ее головы. Она вдруг почувствовала навалившуюся на нее за ночь усталость и мысленно сказала себе, что именно это, наверное, и является первым признаком приближающейся старости. Заставив себя открыть глаза, чтобы не уснуть прямо в водительском кресле, Мила с интересом оглядела пустынную площадь Лонвилля. Первые лучи солнца только-только вышли из-за крыш двухэтажных домов, окружавших площадь, и возвестили Милу о начале нового дня. Она посмотрела на часы и убедилась, что уже почти семь часов, а потом еще раз огляделась по сторонам и усмехнулась, не видя никаких признаков жизни на улице. Бостон в такое время уже кишит спешащими куда-то людьми и сигнализирующими, застрявшими в пробках автомобилями, похожий на большой шумный муравейник, но здесь... Лонвилль, по-прежнему, оставался Лонвиллем. За те двадцать лет, что она не была в этом тихом, гостеприимном и очень уютном городке, он совсем не изменился.

Мила взяла в руки мобильник и убедилась в том, что сигнал сети полностью отсутствует, поэтому слегка раздраженно кинула его обратно в сумочку. Она не ждала ни от кого звонка сегодня, но современный человек привык к сотовому телефону так сильно, что, оказавшись без связи, испытывает примерно те же чувства, что испытывал древний охотник, оказавшийся невооруженным перед голодным львом.

Мила решила не сразу идти к дядюшке, чтобы не свалиться ему как снег на голову в столь ранний час. Пусть он проснется и приведет себя в порядок, а потом уже я заявлюсь, так она рассудила. Последний раз они виделись ровно двадцать лет назад, когда ей было шестнадцать и она доучивалась в школе. Интересно, каким он стал? Она помнила его нелюдимым и замкнутым человеком с добрыми глазами и грустной улыбкой на лице. Он всегда носил коричневый костюм и занавивал его до тех пор, пока тот не начинал блестеть от въевшейся в него грязи и насквозь не пропитывался потом и другими запахами, и лишь тогда, когда неприятный аромат от дядюшки тянулся за ним плотным шлейфом, он относил его в химчистку, чтобы достать из шкафа точно такой же коричневый, но пока еще чистый костюм и надеть его на себя еще на полгода. Дядюшка никогда не отличался особой любовью к опрятности и чистоте, чем очень сердил свою сестру – маму Милы, и вызывал насмешки и издевки окружающих. На чистоту одежды он не обращал никакого внимания и искренне считал это ерундой, которой не стоит лишний раз забивать себе голову, учитывая тот факт, что всего каких-то сорок тысяч лет назад люди носили на себе шкуры животных и совсем не переживали об отсутствии химчисток, но ничего – мир выстоял. Ботинки дядюшки не знали, что такое чистящий крем, он преданно носил одну пару обуви по несколько лет, и менял их только тогда, когда они, насквозь пропитанные пылью и грязью, с начисто стертým каблуком начинали разваливаться прямо на его ногах.

Несмотря на все это Мила очень любила его, когда была маленькой, ведь он всегда был очень добр к ней, но со временем их пути разошлись. Она окончила школу, переехала в Бостон и поступила в колледж, потом в университет, после окончания которого приступила к медицинской практике врача-акушера. Жизнь закрутилась в делах и заботах, а на воспоминания о дядюшке совсем не оставалось времени. Только мама беспокоилась о нем и исправно навещала каждый год. Они были родными братом и сестрой и оба родились в Нью-Йорке, где у их отца с матерью имелась в собственности небольшая парикмахерская в Северном Манхэттене. Томас рос умным, способным, но очень застенчивым и замкнутым мальчиком. Большим шумным компаниям он предпочитал чтение книг и познавательных журналов в одиночестве. Обладая

кротким и спокойным характером, он, в то же время, сторонился заводить новые знакомства и не поддерживал никаких отношений даже с коллегами по работе, с противоположным полом его дела обстояли не лучше. В двадцать с небольшим лет, будучи работником метрополитена, он уволился, продал небольшую квартиру в Бруклине, закрыл скромный счет в банке, доставшийся ему от покойного отца и перебрался жить в Лонвилль. Мама никогда не понимала и не одобряла этого решения и, навещая его каждый год, она всеми силами уговаривала его вернуться обратно и не прозябать в отдаленном сонном городке, но дядюшка был непреклонен. Он говорил, что именно в Лонвилле чувствует себя по-настоящему счастливым и предпочитает тишину собственного сада шумным улицам Нью-Йорка.

Но Мила после окончания школы больше не составляла компанию маме в этих поездках. Она так увлеклась собственной жизнью и заботами, что даже забывала передать дядюшке привет или какой-нибудь дешевый сувенир из Бостона, а одна только мысль о поездке в Лонвилль, чтобы проведать своего странноватого дядюшку, вызывала на ее лице легкую брезгливую улыбку. Мамы не стало почти десять лет, болезнь забрала ее слишком рано и с тех пор Мила не слышала о дядюшке ровным счетом ничего. По правде сказать, направляясь в Лонвилль, она даже не знала, жив ли он еще.

Вынырнув из воспоминаний и грустно вздохнув, Мила почувствовала, что ей просто необходимо выпить хоть немного горячего кофе, чтобы взбодриться, а заодно предаться воспоминаниям о том, как в детстве они с мамой гуляли по тихим, чистеньким, милым улочкам этого замечательного городка или о том, как дядюшка с грустной улыбкой вручал ей очередной леденец, когда она играла на заднем дворе или на передней лужайке перед его домом.

Интересно, оказалась бы она в Лонвилле, если бы не тяжелый развод с мужем? Поздний брак не принес ей счастья и через шесть лет мучений и взаимных претензий, развалился сам по себе, требуя от супругов лишь документального подтверждения окончания своего существования, что и произошло на прошлой неделе. Детей они завести не успели, поэтому, оставшись совершенно одна, Мила почувствовала себя очень одинокой и впервые, пожалуй, за последние двадцать лет вспомнила о дядюшке. Ей не столько хотелось навестить его, сколько просто переключиться, отвлечься и побыть некоторое время где-нибудь на краю земли, вдали от забот. Лонвилль казался для этого идеальным местом. Она посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида и с некоторым сожалением заметила мелкие, едва заметные морщинки у глаз. Интересно, подумала она, эти морщинки появились благодаря бессонной ночи, проведенной за рулем, или я просто старею?..

Мила почувствовала вдруг легкое головокружение и поскорее, чтобы не уснуть прямо в машине, открыла дверь и с великим наслаждением вышла на прохладный утренний воздух, а потом потянулась и зевнула. Проведя последние десять часов за рулем, она только сейчас, выпрямившись в полный рост, почувствовала, как сильно затекло ее тело. Протерев лицо быстрыми короткими движениями ладоней вверх-вниз, Мила еще раз оглядела небольшую площадь со сквериком в центре, и улыбнулась, убедившись в том, что за двадцать лет, прошедших с тех пор, как она была здесь в последний раз, в Лонвилле ничего не изменилось. Осознавать это ей было очень приятно, по крайней мере, она не чувствовала себя здесь чужой. Здорово, что в мире еще есть место, которое знакомо с ранних лет, и что оно остается точно таким же, каким и было, словно ты просто отмотал время назад и вернулся в беззаботное и беспечное детство. Разглядывая маленькие аккуратные домики вокруг площади, в каждом из которых располагался какой-нибудь, пока еще закрытый, благодаря раннему часу, небольшой магазинчик или аптека, Мила не могла не улыбнуться еще раз – все точно так же, как было двадцать лет назад, будто она сделала шаг назад во времени. Лонвилль, судя по всему, как и любой другой маленький отдаленный городок, владел искусством сопротивления изменениям в жизни остального мира.

– Доброе утро, – раздался рядом чей-то приятный бас.

Мила обернулась и с некоторым удивлением посмотрела на мужчину средних лет, который, широко улыбаясь, шел мимо по тротуару.

– Доброе утро, – ответила она, но было слишком поздно, мужчина уже скрылся в маленьком переулке.

Все еще чувствуя легкое головокружение, Мила повернулась и задумчиво направилась через площадь к домикам с магазинчиками, с интересом оглядываясь по сторонам. Она так отвыкла от того, что незнакомые люди могут быть вежливыми и дружелюбными. Незнакомцы в маленьких городках более общительны и дружелюбны, чем настоящие друзья в Бостоне, и потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к этой разнице, если, конечно, она останется здесь больше, чем на несколько дней. Ей очень хотелось задержаться здесь на несколько дней, но пока что она решила ничего не загадывать.

Единственным открытым в столь раннее время заведением на этой стороне площади было маленькое кафе с резным крылечком и маленьким колокольчиком над входом. Это то, что мне нужно, с улыбкой подумала Мила и, замерев перед входом, внимательно осмотрела деревянные ступеньки. Мама часто водила ее в это кафе много лет назад. Вспомнив об этом, Мила покачала головой, осознавая, как же давно это было. Двадцать лет назад. Но как вчера. С ума сойти. Как же скоротечно время и как оно разгоняется из года в год и несется все быстрее и быстрее, неумолимо приближая каждого из живых существ в мире к линии финиша, за которой нет абсолютно ничего. Легкая дрожь пробежала по ее телу. Значит, морщинки у глаз – это, все-таки, не из-за дальней дороги.

Мила вздохнула и огляделась по сторонам. В дальнем конце площади неспешно шла куда-то какая-то женщина в светлом платье и чепчике. Она несла в руке что-то наподобие пустой авоськи и, судя по всему, никуда не спешила и ни о чем не беспокоилась. Глядя ей вслед, Мила не могла с легкой завистью не подумать о том, что, возможно, совершила большую ошибку, выбрав для жизни Бостон. В конце концов, оправдывает ли себя стресс существования в большом городе, сопровождающий каждого жителя практически постоянно, если можно жить абсолютно счастливой жизнью в медленном и безмятежном темпе, вдыхая в грудь чистый воздух? Откуда у людей, живущих в мегаполисах, возникает желание заработать кучу денег, и стоят ли все эти деньги того, на что потом тратятся? Кинотеатры, фитнес-центры, СПА-салоны, рестораны, помощь психолога... К чему все это? Разве в этом заключается смысл жизни и простое человеческое счастье?

А может, дядюшка был прав, перебравшись в Лонвилль из Нью-Йорка? Может быть, обладая прозорливым умом, а дядюшка однозначно обладал именно таким умом, он в двадцать пять лет понял то, о чем многие начинают догадываться только в старости? Повернувшись спиной к маленькому кафе, Мила снова оглядела площадь и маленький скверик в центре, приходя к мысли о том, что Лонвилль – это именно то место, куда она хотела бы когда-нибудь перебраться насовсем и купить хороший маленький дом, чтобы спокойно встретить старость.

Полная философских размышлений, Мила вошла кафе и запах свежей выпечки вперемежку с ароматами крепкого кофе мгновенно вызвали у нее легкое головокружение. Даже самые лучшие кафе Бостона не смогут похвастаться таким прекрасным запахом. Запах улицы, машин и огромного количества людей обязательно убьет даже самый свежий и насыщенный аромат, но здесь, в Лонвилле, все по-другому. Миле уверенно могла сказать, что именно так пахло это кафе ровно двадцать лет назад, и от этой мысли ей стало очень хорошо и комфортно, она чувствовала себя в своей тарелке.

Толстяк в белом колпаке за прилавком дружелюбно оглядел ее, поправил на носу пенсне и поздоровался. Мила улыбнулась ему в ответ и заказала себе кофе с булочкой, изо всех сил пытаясь вспомнить, тот ли это толстяк, который стоял тут двадцать лет назад, но уверенности в ее предположениях не было, все-таки, двадцать лет – слишком большой срок для того, чтобы помнить в лицо каждого постороннего продавца кофе. Толстяк, тем временем, взяв

со своими кухонными пожитками и приготавливая заказ, который сделала Мила, сказал своим медленным басом:

– Давненько не встречал посторонних в нашем сонном царстве! Это ваша огромная черная машина стоит на той стороне площади?

Мила скромно подтвердила его догадку, и толстяк одобрительно кивнул головой, а потом добавил:

– Вы правильно сделали, что остановили свой выбор именно на моей кафе, милая леди! Во всем Лонвилле вы не сыщете никого, кто готовил бы кофе лучше меня, уверяю вас, особенно учитывая то, что в нашем захолустном городишке, больше нет ни одного кафе! – он расхохотался, довольный своей гениальной шуткой.

Мила не смогла сдержать улыбку и сказала:

– Запах ваших булочек разносится за много миль от Лонвилля, поэтому я просто не смогла проехать мимо!

Толстяк самодовольно кивнул, ему, явно, понравился этот комплимент, а потом дружелюбно спросил:

– То есть, вас именно поэтому занесло в наш унылый скучный городишко?

– Собственно, не только поэтому. Я приехала из Бостона навестить дядю, которого, вы не поверите, не видела уже двадцать лет... С ума сойти... Он живет в Лонвилле.

Услышав эти слова, толстяк замер и с неподдельным удивлением уставился на Милу, подняв брови и в задумчивости почесав свой гладко выбритый подбородок. Он, явно, не ожидал такого ответа, и Мила почувствовала себя очень неловко.

– Вы в порядке? – осторожно спросила она, глядя на его задумчивый взгляд.

– Все прекрасно, – словно очнувшись, ответил он и снова внимательно посмотрел на Милу. – Извините, я просто был удивлен ответом, вот и все. Лонвилль очень маленький город в котором все друг друга знают. Вы не возражаете, если я спрошу, как зовут вашего дядю?

– Вам не стоит извиняться, – улыбнулась Мила. – Его зовут Томас Дункан.

– Я так и думал, – растерянно протянул толстяк и снова почесал подбородок, с беспокойством глядя на Милу. – Теперь все понятно. А как вас зовут, скажите?

– Мила, – ответила она. – Мила Дункан.

– Мила? – он пристально посмотрел на нее, как будто что-то в ее ответе действительно заставило его задуматься. – Так... Так вы его племянница? Маленькая Мила, девочка, которая... Которая хотела стать врачом?

– Я... – начала было Мила и запнулась, искренне удивленная его вопросом. – Я стала врачом, как и хотела... Дядя говорил обо мне?

Толстяк проигнорировал ее вопрос, он лишь нахмурился и строго спросил:

– А зачем вы приехали его навестить? Вы думаете, он в этом нуждается?

– Простите, но... – начала было Мила, чувствуя, что от прежнего дружелюбия толстяка не осталось и следа, но он не дал ей договорить и добавил сварливым, слегка раздраженным голосом:

– То есть, все эти долгие двадцать лет он был вам не нужен, а теперь вдруг вы решили ни с того, ни с сего, проведать его? С чего бы это? И вы наивно полагаете, что он будет рад этой встрече?

– Простите, но...

– Вот ваш кофе, – толстяк бросил взгляд на настенные часы, а потом снова раздраженно поглядел на Милу, протягивая ей бумажный дымящийся стаканчик с крышечкой. – Уходите сейчас же, я не желаю с вами разговаривать!

– Но...

– Вы ведь в состоянии выпить кофе и съесть булочку снаружи моего прекрасного заведения, а потом навсегда убраться из нашего милого городка, не так ли?

Мила даже не нашлась, что ответить на столь неслыханную грубость, поэтому, искренне не понимая, что могло так сильно повлиять на изменение в поведении толстяка, пробормотала слова благодарности и, взяв в руки горячий стаканчик, направилась к выходу.

– Вам нечего делать в Лонвилле, – услышала она за спиной его строгий, полный презрения голос. – Не задерживайтесь здесь. Уверяю, ваш дядюшка Томас счастлив и без вас!

Не поворачивая головы, Мила почти бегом выбежала на улицу и постаралась, как можно быстрее отойти подальше от этого негостеприимного кафе. Уже потом, пересекая площадь, она замедлила шаг и оглянулась, пытаясь понять, чем могла так разгневаться этого, поначалу показавшегося ей добряком, толстяка. Она уселась на резную деревянную лавочку в скверике и приготовилась выпить кофе, поймав себя на мысли о том, что Лонвилль не такой уж милый и дружелюбный городок, каким казался ей в детстве. Словно в подтверждение ее мыслей, мимо прошла какая-то женщина и с презрением посмотрела на Милу холодными, рассерженными глазами.

Почувствовав непреодолимое желание спрятаться, Мила вскочила со скамейки, быстро пересекла площадь, заперлась в машине и уже только тогда смогла немного успокоиться, почувствовать себя в безопасности и сделать глоток начавшего потихоньку остывать кофе, который, и правда, оказался очень даже недурен.

2

Несмотря на то, что было уже довольно позднее утро, городок не спешил просыпаться. Редкие пешеходы периодически появлялись в поле зрения Милы и тут же исчезали. Находившаяся в состоянии глубокой задумчивости, она совсем не обращала внимания на девушку-подростка, стоящую на углу площади, которая с нескрываемым удивлением рассматривала Милу и ее машину.

– Незнакомец в городе, – завороченно пробормотала девушка с неподдельным изумлением в голосе, подняла к глазам фотоаппарат и сфотографировала автомобиль. – Настоящий незнакомец в мертвом старом Лонвилле... На настоящей машине, которая передвигается своим ходом... Такое случается не каждый день...

Она, незаметно для Милы, сделала еще несколько фотографий, одновременно с этим продолжая наблюдать, как незнакомка, сидящая в водительском кресле, пьет кофе из бумажного стаканчика и ест булочку. Внезапно кто-то прокашлял прямо за спиной девушки, она резко обернулась и увидела Билли Тафа, смазливый двадцатипятилетний парень, который с приподнятой бровью и саркастической улыбкой разглядывал ее ягодички, обтянутые узкими светлыми джинсами.

– Разве тебе никто никогда не говорил, что шпионить за людьми, которые этого не заслуживают – невежливо? – спросил он. – Seriously, Саманта, неужели тебе больше нечем заняться?

– Нечем, – твердо кивнула в ответ Саманта Скай и с легкой насмешкой оглядела его с ног до головы. – Но я с удовольствием выслушаю твой дельный совет.

– Живи полноценной жизнью, а не занимайся ерундой, – медленно и членораздельно ответил он, фыркнув, а потом покрутил пальцем у виска и добавил. – Ты ведешь себя, как дурочка.

– Что ты называешь полноценной жизнью в Лонвилле? – насмешливо спросила она, опуская фотоаппарат. – Целый день валяться в гамаке на заднем дворе родительского дома и ничего не делать?

– Зачем ты слоняешься по городку целыми днями с этим идиотским фотоаппаратом?

– Я не просто слоняюсь и бездумно фотографирую все подряд, – возразила она. – Я провожу расследование.

– Какое еще расследование?

– Лонвилль стал очень странным за последнее время, разве ты сам не замечаешь?

Билли огляделся по сторонам и ухмыльнулся, а потом ответил, пожав плечами:

– Не вижу ничего странного! Все как обычно!

– Как обычно? – чуть не вскрикнув, переспросила Саманта. – Оглянись по сторонам еще раз, дурень! Ведь раньше такого не было! На дворе двадцать первый век, а наш город словно замер во времени. Нет ни машин, ни сотовой связи, ни интернета, нет даже электричества...

– Ты всего лишь ребенок, – немного раздосадованным голосом перебил ее Билли. – Просто дурочка, которой нечем заняться.

– Я не ребенок! – вызывающе оборвала она его. – Мне уже почти шестнадцать.

– Ого, почти шестнадцать? – он рассмеялся и махнул рукой. – Дай мне знать, когда тебе исполнится восемнадцать, милая. Тогда, может быть, нам будет, о чем поговорить.

– Мне уже не о чем говорить с тобой, что изменится через два года? – огрызнулась Саманта, а потом снова посмотрела в сторону машины и добавила. – Все-таки, мне бы очень хотелось знать, что эта женщина делает в нашем забытом богом городке...

– Она приехала навестить своего дядю, – ухмыльнулся Билли и тоже посмотрел в сторону автомобиля. – Но лучше бы ей поскорее убраться из Лонвилля.

– Своего дядю? С чего ты взял?

Билли ничего не ответил на это, он лишь раздраженно посмотрел в сторону Милы и ее автомобиля, почесал подбородок и повторил:

– Лучше бы ей скорее убраться из Лонвилля. Нечего ей тут делать.

В следующую секунду Мила подняла глаза, случайно посмотрела в сторону этой парочки и нахмурилась, увидев их пристальные взгляды, направленные на нее. Билли и Саманта резко отвернулись, а потом Билли злорадно хихикнул:

– Неудобно получилось, правда?

– Что ты там нес про какого-то дядю?

– Займись каким-нибудь полезным делом вместо того, чтобы забивать свою глупую голову всякой чепухой. А с непрошенной гостьей я разберусь сам еще до захода солнца, поверь мне!

– Какое тебе до нее дело? Это ее право, куда ехать, кого навещать, да и вообще...

– Ты просто маленькая дурочка, – снова усмехнулся Билли и отправился прочь. – Через пару-тройку лет ты все узнаешь.

Саманта ничего не поняла из его последних слов. Она лишь показала язык ему вслед, а потом, обернувшись, увидела, что женщина запустила двигатель, и через несколько секунд ее машина скрылась в переулке. Все, что успела сделать Саманта, это поднять фотоаппарат и сделать еще пару снимков удаляющегося автомобиля.

3

Мила остановила машину напротив дядюшкиного дома на Оук-Роуд и с легкой печалью посмотрела на него. Двадцать лет, снова подумала она, с ума можно сойти, ее не было здесь целых двадцать лет. Она оглядела белый невысокий заборчик, лужайку между ним и домом, моментально вспомнив, как будучи маленькой девочкой спускалась по крылечку, держа маму за руку, а потом гордо шагала с ней по сонному мирному городку. Она вспомнила, как дядюшка доставал свежую почту из этого самого почтового ящика, торчащего на шесте у дороги, а потом возвращался в дом, садился в старое продавленное кресло и приступал к чтению новостей, таким образом поддерживая свою связь с внешним миром.

Как же давно она не была здесь. Кто бы мог подумать, что за этим маленьким заборчиком живет ее единственный оставшийся в живых родственник, нелюдимый и замкнутый дядюшка Томас, которого все-все-все – даже она и ее мама – считали чудачком. Вздохнув, Мила выбралась из машины и, потянув на себя низенькую калитку, окрашенную в один цвет с заборчиком, вошла во двор и направилась к крыльцу.

Стук в дверь не дал никаких результатов. Немного постояв на пороге, Мила отступила назад, посмотрела на окна и крикнула:

– Дядя! Дядюшка Томас, ты дома? Это я, Мила, твоя племянница. Ты меня помнишь?

Она снова прислушалась и во все глаза смотрела на окна, надеясь заметить в них какое-нибудь движение, но безрезультатно. Дом ответил ей тишиной.

Мила сделала еще несколько шагов назад и только теперь поняла, что дом выглядит так, словно в нем давно никто не живет. Она внимательно оглядела покрытые толстым слоем пыли стекла и облупленное крыльцо, которое последний раз красилось, явно, много лет назад. Мила перевела взгляд на неухоженную, поросшую высокой нескошенной травой лужайку вокруг себя, и задумалась, почувствовав нарастающую в груди тревогу. В принципе, дядюшка никогда не был слишком уж опрятным домохозяином, не славился любовью к чистоте, и Мила отчетливо помнила, как мама, ежегодно приезжавшая сюда, несколько дней тратила на то, чтобы навести порядок и привести дом в божеский вид, но...

Сейчас все выглядело именно так, словно в доме уже давно никто не живет. Снова почувствовав легкое головокружение, Мила вернулась к заборчику и только сейчас поняла, что белая краска не обновлялась, как минимум, несколько лет. Она открыла почтовый ящик, торчащий на почерневшем от времени деревянном столбике у ветхой калитки и заглянула внутрь.

Пусто. Только высохшая прошлогодняя листва, которую, судя по всему занесло сюда ветром. Но чтобы дядюшка перестал выписывать газеты? В это она могла поверить с трудом, и тревожная мысль, словно молния, пронзила ее голову – а что, если дядюшка давно уже умер?

– Дядюшка! – взволнованно крикнула она, снова посмотрев на дом. – Дядюшка Томас, ты дома?

Тишина.

Мила посмотрела на часы и, убедившись, что уже больше десяти утра, с надеждой подумала о том, что может быть он просто ушел куда-нибудь ненадолго. Но ведь он не любил покидать дом без крайней необходимости. Может быть он пошел рыбачить на пруд, хотя он никогда не пылал любовью к рыбалке, но куда еще можно пойти в Лонвилле в десять часов утра?

– Ты кого-то ищешь? – раздался за ее спиной скрипучий голос.

Обернувшись, Мила увидела худенького старичка, одетого в светлый старомодный костюм. Он облокотился на кривой заборчик и с интересом разглядывал ее. Догадавшись, что это, скорее всего, бдительный сосед, она направилась к нему, периодически оглядываясь на дом и надеясь увидеть в одном из окон грустное лицо дядюшки Томаса.

– Я пытаюсь разыскать своего дядю, он жил... Он живет в этом доме, – ответила она, поравнявшись с ним. – Вы не знакомы с ним, случайно?

Старичок от души рассмеялся, чем вызвал недоумение в глазах Милы, и переспросил:

– Знаю ли я старину Томаса Дункана? – этот вопрос, явно, позабавил его, и ему потребовалось некоторое время, чтобы справиться с новым приступом смеха и ответить ей. – Я живу по соседству с этим человеком почти пятьдесят лет, – старичок пальцем указал на дом на противоположной стороне дороги, – так что, думаю, что знаю его... – он замолчал ненадолго и бросил короткий взгляд в сторону дома дядюшки, а потом добавил, усмехнувшись. – Да, я думаю, что знаю Томаса довольно хорошо. Пожалуй, я гораздо ближе и роднее ему, чем какие-нибудь там родственники, которые совсем забыли о его существовании.

Мила почувствовала нотки злого сарказма в голосе этого сухонького старичка, но сделала вид, что не заметила этого. Она лишь украдкой бросила взгляд в сторону дома, на который указал старичок и обратила внимание на то, что тот выглядел не более опрятным, чем дом дядюшки – такие же покрытые многолетним слоем пыли окна, пошарпанные стены и запущенная лужайка на переднем дворе. Это немного приободрило ее и отогнало тревожные мысли. Видимо, старикам совсем сложно справляться с хозяйством и поддерживать свое имущество в пристойном виде, а заказать комплексную уборку в клининговой компании им не по карману, вот они потихоньку и зарастают грязью.

– А вы случайно не знаете, где он сейчас? – спросила она.

– Понятия не имею, – старичок беспечно пожал плечами. – Давненько не встречал его... Быть может, он перебрался из нашего захолустья куда-нибудь в другое место?

Услышав это, Мила снова с тревогой оглянулась на дом и подумала о том, что исключать того, что дядюшка умер, тоже не стоит.

– Насколько давно, вы не припомните?

Наблюдая за окнами, она все еще ждала увидеть очертания дядюшки в одном из них. Он запомнился ей постоянно сутулившимся невысоким, худощавым человеком с небольшим пузиком, всегда одетым в коричневый костюм. Мама говорила, что он был таким всегда. Мила снова вспомнила, как он неделями ходил в одной и той же одежде, до тех пор, пока запах пота не становился невыносимым даже для него, и переодевался, чтобы снова стать аккуратным и чистым, и начать этот замкнутый круг сначала. Такой подход к жизни, впрочем, как и множество других странностей, искренне удивлял маленькую Милу. «Просто твой дядюшка мыслит не совсем так, как большинство людей, – объясняла ей мама в детстве. – Он может совсем не обращать внимания на те вещи, которые будут раздражать других до мозга костей.»

– Тебя зовут Мила? – неожиданно спросил старик, вырвав ее из размышлений.

Она, опешивши ненадолго, повернула к нему голову и внимательно посмотрела в его прозорливые смешливые глазки, потрясенная тем, что он знает ее имя.

– Я помню тебя, – продолжил старик с улыбкой, не дождавшись ответа. – Кажется, когда-то давно вы с матерью ежегодно приезжали к Томасу ненадолго, так?

Мила оказалась в силах только лишь кивнуть головой, а старик благодушно добавил:

– Как же ты выросла и похорошела... Я иногда видел, как ты играла на этой прекрасной лужайке и несколько раз давал тебе конфеты. С разрешения твоей мамы, конечно.

– Я этого совсем не помню, – честно ответила Мила, почувствовав себя немного неловко, хотя ей очень не хотелось обижать этого милого человека.

– Неудивительно, ведь это было так давно. Ты была совсем ребенком, – философским голосом произнес старичок и самодовольно кивнул. – Молодежь очень быстро забывает подобные мелочи. Только старые дураки вроде меня хранят все эти воспоминания в своих головах... А чем еще заниматься в этом богом забытом паршивом городишке, – он снова ухмыльнулся. – Я до сих пор помню те маленькие голубые конфеты, которые я давал тебе, когда ты играла у забора. Хоть какое-то разнообразие в бесконечно одинаковых серых буднях, черт возьми!

Заставив себя улыбнуться, Мила обернулась и снова с тревогой посмотрела на дом, начиная волноваться за дядюшку.

– Так все же, – снова начала она. – Вы не знаете, где сейчас может находиться мой дядюшка?

– Говорю же, понятия не имею, – беспечно отозвался старичок. – Утром, когда мы случайно увиделись с ним прямо на этом месте...

– Простите... – смущенно прервала его Мила. – Мне показалось, до этого вы сказали, что давно не встречали его...

– Хм, я, действительно, именно так и сказал?.. – он задумчиво почесал подбородок, ненадолго нахмурился, а потом снова расплылся в беззаботной дружеской улыбке. – Ну да, конечно, я так и сказал! Я имел ввиду... Понимаешь, здесь, в Лонвилле, время идет совсем по-другому, не так, как у вас, в больших городах! И если ты не видишь своего соседа в течение нескольких часов, это кажется вечностью, понимаешь? – старичок заставил себя улыбнуться еще шире, обнажив свои почерневшие от времени зубы и добавил с ухмылкой. – Так уж устроена жизнь в маленьком городке...

– То есть, вы виделись с ним сегодняшним утром, – повторила Мила, прерывая его очередное философское изречение и почувствовав облегчение. Теперь, по крайней мере, она была уверена в том, что дядюшка жив. – Он не говорил, куда направляется?

– Совершенно верно, сегодняшним утром, – кивнул старичок и продолжил. – Мы немного поболтали о том, о сем, а потом он сказал, что ему нужно уйти и побегать по делам. Я видел свернутый в рулон список дел в его руке, ты не поверишь, длиной в милю, если развернуть его целиком! Не думаю, что старина Томас скоро объявится. Быть может, он уехал в ближайший город и вернется только через несколько дней... Думаю, тебе нет никакой необходимости дожидаться его.

– Простите, но я проехала десять часов за рулем не для того, чтобы постоять у запертого дома и уехать обратно, – мягко возразила Мила, немного удивляясь столь глупому совету.

– Ерунда, – рассмеялся тот, все так же беспечно махнув рукой. – Тебе не о чем переживать! Мы увидимся с ним, как обычно, вечером на этом же самом месте и я передам ему новость о том, что его дорогая племянница Мила приезжала проведать его. Думаю, он будет приятно удивлен.

Глядя на него, Мила не могла избавиться от ощущения, что в этой ситуации что-то не так. Старичок явно не хотел, чтобы ее встреча с дядюшкой состоялась и всеми силами пытался избавиться от нее, постоянно путаясь в своих словах и изречениях. Еще недавно он говорил о том, что дядюшка, возможно объявится только через несколько дней, но теперь был убежден в том, что вечером он увидится с ним и передаст привет... Интересно, подумала она, это спланированная акция или последствия старческого маразма, сразившего этого милого дедушку?

– Я предпочла бы увидеть дядюшку собственными глазами, – осторожно и вежливо, чтобы не обидеть его, возразила она. – Вы ведь понимаете, да? Последний раз мы виделись с ним двадцать лет назад и...

– Целых двадцать лет? – воскликнул старичок с удивлением и покачал головой. – Как же быстро несутся года...

– И я бы очень хотела снова увидеть его и убедиться собственными глазами, что с ним все в полном порядке, – закончила мысль Мила.

– Предыдущие двадцать лет тебя совсем не беспокоило состояние твоего любимого дядюшки, – злорадно ухмыльнулся старик. – Что же изменилось теперь?

Этот вопрос застал Милу врасплох, и она в задумчивости перевела взгляд обратно на дом. Сейчас ей, действительно, было очень стыдно за то, что она совсем не вспоминала о дядюшке, но она точно не собиралась отчитываться в своих поступках перед этим любопытным старикашкой, сующим нос не в свои дела.

– Я могу заверить тебя, что с дядюшкой все в порядке! Можешь смело садиться в свой прекрасный дорогой внедорожник и ехать домой, – продолжал настаивать старичок, поняв, что ответа на предыдущий вопрос он не дожидается. – Старина Томас Дункан даже более, чем в порядке! Он самый счастливый человек во всем городе! Если ты уедешь из Лонвилля прямо сейчас, то успеешь добраться до Бостона еще до наступления темноты, разве это не здорово?

Мила снова внимательно посмотрела в его прозорливые глазки и настороженно спросила:

– Откуда вы знаете? Разве я говорила вам, что приехала из Бостона?

– Э-э, – протянул старичок, ненадолго задумавшись и почесав подбородок, а потом быстро добавил. – Ты сказала, что ехала за рулем десять часов, вот я и прикинул, что ты вполне могла приехать из Бостона, я угадал?

– Именно, – кивнула Мила, с сомнением разглядывая старичка и понимая, что он что-то недоговаривает.

– Уезжай! Я передам старику привет от тебя, обещаю! Он будет очень польщен!

– Я не уеду, – твердо ответила Мила тоном, не терпящим возражений. – Я не покину Лонвилль до тех пор, пока собственными глазами не увижу своего дядю и не удостоверюсь, что с ним все в порядке.

Старичок вздохнул и по нему было отчетливо видно, что ее ответ расстроил его, а потом он строго спросил, не сводя с нее строгого взгляда, в котором совсем не осталось доброжелательности:

– Какое тебе вообще есть до него дело? Все эти долгие годы тебе было наплевать на него, а теперь вдруг ты решила притвориться заботливым родственником и приехать убедиться в том, что с ним все в порядке?

– Вас, мистер, простите, не знаю вашего имени, это касаться не должно, – не спуская с него глаз, все так же твердо ответила Мила, хотя была удивлена такой откровенной бестактностью. – Всего вам доброго!

Не дожидаясь ответа, она развернулась к нему спиной и направилась обратно к дому. Поднявшись по невысоким ступенькам на обшарпанное крыльцо, она вновь с силой постучала кулаком в дверь, но, естественно, из дома не раздалось ни звука. Мила обернулась и увидела, что этот неприятный старик все еще стоит у заборчика и смотрит на нее с открытой враждебностью. Решив не обращать больше никакого внимания любопытного типа, она спустилась с крыльца, подошла к кухонному окну и попыталась, приподнявшись на цыпочках, заглянуть внутрь, но толком ничего не смогла разглядеть из-за грязного стекла. Вздохнув, она отступила назад и еще раз оглядела окна второго этажа.

Она точно знала, что ни за что не покинет Лонвилль до тех пор, пока не увидит дядюшку.

4

Сидя на лавочке в скверике городской площади и изнывая от скуки, Саманта. Слегка прищурившись от яркого солнца, оглядывала сонный городок и вдруг снова увидела Милу, которая, припарковав машину перед входом в маленький двухэтажный городской отель, выбралась из нее и направилась внутрь здания. Поднявшись на ноги и не сводя заблестевших от предвкушения глаз со спины Милы, Саманта сняла крышку с объектива своего старого фотоаппарата и улыбнулась. Хоть какое-то разнообразие в мертвом и унылом Лонвилле.

Но Мила не заметила ее любопытствующего взгляда. Она в это самое время уже рассчитывалась с администратором, кругленьким улыбчивым дядечкой с бакенбардами, за недорогой одноместный номер. Она решила снять его пока что на одну ночь, а завтра будет видно, что делать дальше.

– Давненько не было постояльцев в моем уютном отеле, – довольно потирал толстячок руки. – Не сочтете ли вы, мадам, меня невежливым, если я позволю спросить, надолго ли вы приехали в наше захолустье?

– Пока еще не знаю, – честно ответила Мила и пожала плечами. – Все будет зависеть от обстоятельств...

– Понимаю, понимаю! Все еще не нашли своего дядюшку?

– Откуда... – Мила с удивлением посмотрела на толстячка. – Откуда вы знаете?

– Весь город уже знает, – хихикнул тот в ответ, а потом добавил. – Но на вашем месте я бы не стал его дожидаться, поверьте, в этом нет никакой необходимости!

И этот туда же, раздраженно подумала Мила, но промолчала. Кивнув, она взяла ключ от номера и пошла в сторону лестницы.

– Вода в кране едва теплая, – крикнул ей вслед толстячок. – А электричество отключили за неуплату! Подумайте еще раз, стоит ли вам задерживаться в Лонвилле!

– Я справлюсь, спасибо! – бодро ответила она, поднялась на второй этаж и, запершись в комнате и достав из сумочки телефон, убедилась, что сигнал сети по-прежнему не ловится. Вздохнув, она отбросила мобильник в сторону и пошла в ванную комнату вымыть лицо и руки. Ополаскивая ладони под слабым, едва теплым напором воды, Мила с некоторым пренебрежением рассматривала старую кафельную плитку на стене, покрытую плесенью, и грязное затертое зеркало, висевшее перед ее лицом. Надеюсь, я пробуду в этой гостинице не больше одной ночи, подумала она брезгливо, но грязное зеркало сейчас волновало ее меньше всего, так как мысли о пропавшем дядюшке не давали покоя. Куда он мог запропасться? Мила помнила, что раньше дядюшка вел практически отшельнический образ жизни, ни с кем не общался и редко покидал дом. Вероятно, что-то сильно изменилось с тех пор, раз даже владелец кафе знает о его существовании и о том, что у него все в порядке. А этот странный старичок-сосед... Мила снова задалась вопросом почему каждый, с кем она пыталась поговорить о дядюшке, всеми силами пытался избавиться от нее и уговорить срочно уехать из Лонвилля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.